

Макс Ричардсон

Почему белых американцев беспокоят аборт

Оригинал: Max Richardson. Why White Americans Care about Abortion

Источник: <https://counter-currents.com/2022/07/why-white-americans-care-about-abortion/>

Перевод с английского, 2022 г. На русском языке публикуется впервые!

Правые диссиденты часто утверждают, что американские дебаты по поводу абортов – пустая трата политических ресурсов. Левые почти никогда не соглашаются с тем, что борьба за «право выбора» отвлекает внимание от более важных вопросов, поскольку эгалитаризм требует, чтобы женщина (или «рожающий человек») полностью контролировала ее (или его!) репродуктивную способность.

Для левых политика, которая «заставляет» женщину (или мужчину!) рожать, является в принципе отсталой политикой, которая не может существовать в обществе, утверждающем, что высоко ценит равенство между полами – или гендерами, или как там они называют их сейчас. Вопрос о том, является ли аборт убийством ребенка, не имеет значения, потому что запрет на аборт на любой стадии развития плода равносителен сознательному решению вернуться к старомодному патриархату. Поэтому левые не могут отступить в этом вопросе.

Правый диссидент, скептически относящийся к движению против абортов, т. е. движению в защиту жизни, может понимать, а может и не понимать, почему аборты так важны для левых, но если и понимает, то он не склонен слишком сосредотачиваться на этом. Вместо этого он утверждает, что аборт не является объективно важной проблемой в общей картине, и отвлекает внимание консерваторов и политические ресурсы от одной действительно важной проблемы: демографических изменений. Неотъемлемой частью этого аргумента является тот факт, что львиная доля абортов приходится на чернокожих и латиносов, поэтому запрет абортов кажется верным способом усугубить нашу демографическую проблему. Для многих правых диссидентов неприятие абортов является воплощением недалёковидного консерватизма и часто приводится в качестве доказательства разрушительного влияния христианства на белое общество.

Эта критика правыми американского движения в защиту жизни справедлива. Объективно говоря, с чисто научной точки зрения, я думаю, что большинство из нас, правых диссидентов, могут согласиться с тем, что аборт – это своего рода «убийство». В чем мы склонны расходиться во мнениях, так это в так называемых «социальных вопросах»: какие социальные последствия вызывает легальный доступ к абортам? Какое общество возникает, когда женщины могут в одностороннем порядке прервать беременность по любой причине? Какое влияние окажет эта политика на наше долгосрочное выживание как народа? Мы также склонны расходиться во мнениях по поводу основной морали аборта: считая аборт своего рода убийством, является ли он преднамеренным убийством? И независимо от того, какое это убийство, есть ли что-то более важное, чем наше выживание как народа? Другими словами, даже если аборт равносителен геноциду в американском обществе, оправдано ли это?

Я не претендую на то, чтобы ответить на эти вопросы или разрешить данный спор. Что я хочу прокомментировать, так это тот факт, что дебаты об абортах в американской политике являются уникальными *европейско-американскими* дебатами и глубоко символичны в рамках политических интересов американцев европейского происхождения. Недавно я вспомнил об этом факте, когда мы с женой анализировали дебаты, которые она затеяла со своими коллегами в области медицины вскоре после того, как Верховный суд отменил решение суда по делу Роу против Уэйда.

Я рассказал своей жене правду обо всех важных вопросах еще до того, как мы поженились, но она все еще находится на той части интеллектуального пути, где каждый шокирован извращенностью и простотой неигрового персонажа (NPC) с левым уклоном. Она также иногда возвращается к привычке думать, что действительно могут существовать «базовые», «основные» (т. е. нормальные) небелые. После отмены решения по делу Роу ей грубо напомнили о том факте, что белые американцы – единственные люди, которые могут быть по-настоящему «основными».

У нее есть коллега, иммигрант из Индии. Я лично встречался с ним и даже обсуждал с ним тему расы и IQ, и он благосклонно отнесся к тому, что я говорил. У него, кажется, есть то, что мы, американцы, назвали бы консервативными, буржуазными взглядами по большинству вопросов. Пока так, его можно было бы посчитать «базовым». Посредственности из Республиканской партии, возможно, захотели бы сделать этого парня следующим Динешем Д'Сузой, хотя бы потому что он не такой ботаник.

Мы с женой – правые диссиденты, выступающие за жизнь, но это не значит, что нам с ней не нравится слушать аргументы правых диссидентов, выступающих за выбор. Как я уже упоминал выше, американское антиабортное движение в защиту жизни можно справедливо критиковать. Тем не менее, либеральные NPC, критикующие движение в защиту жизни, лучше описать как истерические вопли и шаблонное повторение лозунгов. Моя жена была потрясена, когда параноидальные крики ее белых коллег-женщин впервые были направлены против нее. Она проделала отличную работу, разоблачив их лозунги и показав им, что их взгляды в основе своей ошибочны, но она, сама только недавно узнавшая правдивую информацию, не считала, что проделала свою работу достаточно хорошо.

Здесь она совершила ошибку, не остановившись на этом вовремя: она попыталась заручиться поддержкой своего «индийского» коллеги. Она была разочарована, сообщив мне, что этот индиец был совершенно равнодушен к вопросу об абортах и даже пытался представить абсурдные аргументы белых феминисток-NPC разумными.

Я объяснил ей, что она только что пережила важный опыт, похожий на тот, что был у меня 15 лет назад в колледже. Я подружился с иммигрантом-мусульманином из Палестины, найдя с ним общий язык в вопросе об израильском влиянии на американскую внешнюю политику. Похоже, он понимал разницу между белыми американцами, такими как я, и еврейской элитой, обладающей огромной властью в определении американской политики в отношении государства Израиль. Я не был за то, чтобы он был здесь, но я полагал, что раз уж он здесь, у него могут быть разумные и нюансированные взгляды на американцев и американскую внешнюю политику. Так мы стали друзьями – по крайней мере, я так думал.

Момент, когда я понял, что мне не нравится этот парень, наступил, когда я услышал его мнение об абортах. Нет сомнений в том, что евреи уже более века играют важную роль в уничтожении традиционных гендерных ролей в Соединенных Штатах. Независимо от того, за жизнь вы или за право выбора, нужно признать, что евреи чрезмерно сильно представлены в рядах левых агитаторов, которые рассматривают неограниченный законный доступ женщин к абортам как необходимое условие для достижения своей конечной цели: эгалитаризма.

Мой друг-мусульманин в то время не возражал против моего заявления о том, что евреи чрезмерно представлены в борьбе за аборты. Скорее, он не согласился со мной относительно моего утверждения относительно их мотивов. По сути, он утверждал, что аборт не является проблемой – что это всего лишь приманка для бестолковых консервативных избирателей. Да, евреи были чрезмерно представлены в движении за выбор, но это было только потому, что они использовали эту проблему, чтобы отвлечь американцев от того, что они делают с американскими деньгами и вооруженными силами. Звучит знакомо?

Услышав этот аргумент от иммигранта из Палестины, я был им сильно задет, и я так и не простил ему этого (вскоре мы утратили связь). Я был оскорблен, услышав, как какой-то легкомысленный смуглый иностранец-мусульманин объяснял мне, что политика, непосредственно связанная с социальной структурой, в которой курируется американская сексуальная культура и практика, является «просто отвлечением». На самом деле, это, мол, было не только «просто отвлечением», но и евреи, по его словам, используют аборты, чтобы отвлечь таких белых идиотов, как я, от того, что они делали с палестинцами в Леванте. (Кстати, с этого момента я «болею» за израильтян против палестинцев.)

Видите ли, как правый диссидент, вы можете быть за сохранение легального статуса абортов в Соединенных Штатах, но это не означает, что вы должны отвергать нынешние дебаты об абортах в американской политике как простое «отвлечение внимания». Политические, культурные и даже расовые предпосылки дебатов об абортах объясняют их символизм, то, о чем на самом деле идет речь. Есть причина, по которой американцы европейского происхождения – и на самом деле *только* американцы европейского происхождения – так волнуются по поводу абортов.

Всего через полтора десятилетия после того, как Америка установила свое превосходство в послевоенном порядке Запада, в Соединенных Штатах были лицензированы оральные контрацептивы, а еще через десять лет их использовала почти половина американских замужних женщин. «Таблетка» была источником самых важных дебатов двадцатого века в католической церкви. Искусственная контрацепция и аборты помогли коренным образом изменить сексуальную практику американцев и их понимание семьи, и эта революция вызвала негативную реакцию со стороны тех, кто считал такие революционные изменения вредными для страны.

Обратите внимание, что все это произошло, когда Америку еще можно было оправданно назвать «нацией». Мы были примерно на 90% белыми, а те, кто не был белым, были определенно небелым низшим классом, которых ни один нормальный настоящий американец не собирался ассимилировать. Другими словами, дебаты об абортах были частью более широкой проблемы культурной

войны, которая велась между соотечественниками. Эта культурная война велась для решения таких вопросов, как, являемся ли мы религиозной (христианской) нацией или светской нацией торговли, либерализма и модернизма; являемся ли мы эгалитаристами или нет; являемся ли мы традиционными или прогрессивными; и понимаем ли мы себя как народ с определенной идентичностью или как нацию предложения. Когда в 1960-х годах всерьез начались дебаты об американских сексуальных практиках, репродуктивных стратегиях и структуре семьи, те, кого можно было охарактеризовать как светских либералов, вдохновленных эгалитарными и прогрессивными ценностями, которые считали, что Америка – это набор идей, а американцы – люди, вдохновленные этим идеями, были теми, кто поддерживал такие революционные изменения, отчасти ставшие возможными благодаря неограниченному праву женщин на аборты.

Война между соотечественниками – это, конечно, гражданская война, и те, кто сражался на стороне традиций, религии и старомодного национализма, проиграли. Однако несмотря на то, что они проиграли, обычные рядовые бойцы в этой войне так никогда и не подчинились, и не запросили мира. Хотя это правда, что они позволяют манипулировать собой лидерам Республиканской партии и консервативным шарлатанам, и хотя их поражение с каждым годом все прочнее вбивается в саму структуру американского общества, и хотя победители буквально заменяют их иммигрантами, их дух, по сути, остался нетронутым, к большому огорчению американских прогрессистов, которые были настолько смущены избранием Трампа в 2016 году, что им пришлось придумывать абсурдную теорию заговора, чтобы объяснить это событие.

Таким образом, позицию американца европейского происхождения в отношении абортов обычно нельзя критиковать с чисто «рациональной» точки зрения. Его взгляд основан не только на рациональных аргументах, но и на его связях с прошлым Америки, когда этот спор действительно был спором между *белыми людьми о белых детях*, абортированных *белыми* матерями – о *белых детях*, порожденных *белыми* отцами. Это были *белые* дочери, которые столкнулись бы с выбором, который им, возможно, следовало бы помешать сделать, или с выбором, право на который им следовало бы дать. И это были не просто «обычные белые люди»; это были *американцы*, которые были белыми – и в те дни они могли быть только белыми.

Так что коричневые иммигранты или коричневые люди в целом не могут понять символического значения проблемы абортов для белых людей в Америке (если на то пошло, то и белые неамериканцы, вероятно, не могут понять политическую одержимость американцев европейского происхождения этой проблемой). Американские коричневые не будут считать это проблемой главным образом потому, что у них нет реальной связи с прошлым Америки.

И поэтому, если вы один из тех людей из правых диссидентов, которые думают, что вопрос об абортах – это пустая трата времени и энергии, позвольте мне сказать вам следующее: вы не совсем не правы, но вы ничего не можете сделать со значением этой проблемы, просто потому что она представляет собой слишком большую часть европейско-американской политической культуры.

Библиотека Велесова Слобода, 2024 г.